

ДИАСПОРЫ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

DOI 10.15826/qr.2024.1.863

УДК 94(443.611) + 94(470:443.611) + 314.743 + 39(=161.1):347.721 + 325.27 +
+ 930.2

Союз российских эмигрантов в Париже: адаптация и пророссийская деятельность (по материалам *Sûreté Générale*)*

Ксения Беспалова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Union of Russian Emigrants in Paris: Adaptation and Pro-Russian Activities (with Reference to the *Sûreté Générale*)**

Ksenia Bepalova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article presents the results of the examination of the activities of the Union of Russian Workers of France / Union of Soviet Citizens in France in Paris which existed from 1925 to 1929 and acted as one of the most numerous unions of Russian emigrants. Drawing on materials from the archive of the Historical Service of the French Ministry of Defence, prepared by *Sûreté Générale* in the name of the Minister of Foreign Affairs of France, the author of the article identifies the purpose of creation and the tasks that the participants of the associations set themselves. The microhistorical approach and the study of the everyday life of Russian emigrants demonstrates that the primary goal was to help compatriots in adapting their life in exile. An analysis of the activities of the members of the union to improve the lives of compatriots made it possible to identify a number

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского гуманитарного института УрФУ (программа «Мой первый грант»).

** *Citation*: Bepalova, K. (2024). The Union of Russian Emigrants in Paris: Adaptation and Pro-Russian Activities (with Reference to the *Sûreté Générale*). In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 35–48. DOI 10.15826/qr.2024.1.863.

Цитирование: Bepalova K. The Union of Russian Emigrants in Paris: Adaptation and Pro-Russian Activities (with Reference to the *Sûreté Générale*) // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 35–48. DOI 10.15826/qr.2024.1.863 / Беспалова К. Союз российских эмигрантов в Париже. Адаптация и пророссийская деятельность (по материалам *Sûreté Générale*) // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 35–48. DOI 10.15826/qr.2024.1.863.

of successful examples of the help of the members of the union in solving urgent problems of emigrants. Additionally, the article demonstrates various ways of providing material assistance to those in need, as well as attempts to develop the intellectual culture of Russian emigrants and increase their competitiveness for employment in France. The measures taken by the members of the unions were aimed, among other things, at encouraging Russian emigrants to return to Russia. According to the author, such actions were soft cultural propaganda in favour of the Soviet Union, and these attempts to return emigrants to their homeland yielded results. The article also presents examples of the activities of the members of the union that did not contribute to the successful stay of Russian emigrants in France. The paper presents an example of the activity of the members of the union in appropriating the property of St. Alexander Nevsky Cathedral, inciting emigrants to rebellion and organising demonstrations demanding the transfer of the church to the USSR Embassy. The result of this activity was a more thorough supervision of the activities of the organisation by the employees of the *Sûreté Générale* and the repatriation of a few active members of the union. It is concluded that this activity hindered the life of the Russian colony in Paris and did not contribute to its security in France.

Keywords: emigration, Russians in Paris, Union of Russian Workers in France, Union of Soviet Citizens of France, repatriation

Представлены результаты изучения деятельности «Союза русских рабочих Франции» / «Союза советских граждан во Франции», которые существовали в Париже с 1925 по 1929 г. и выступали одними из наиболее многочисленных союзов русских эмигрантов. На основе документов из архива Исторической службы Министерства обороны Франции, подготовленных *Sûreté Générale* на имя министра иностранных дел Франции, в работе выявлены цель создания и задачи, которые ставили перед собой участники объединений. Изучение повседневности русских эмигрантов на основе микроисторического подхода показало, что первостепенная цель подобных организаций заключалась в адаптации соотечественников к жизни в эмиграции. Анализ деятельности их участников по улучшению жизни эмигрантов позволил выявить ряд удачных примеров помощи в решении насущных проблем. Продемонстрированы способы оказания материальной помощи нуждавшимся, а также направления в развитии интеллектуальной культуры русских для повышения их конкурентоспособности при трудоустройстве. Проведенные участниками союзов меры были направлены и на агитацию к возвращению в Россию. Подобные действия были формой «мягкой» культурной пропаганды в пользу Советского Союза, и эти усилия дали свои результаты. Представлены примеры деятельности участников союза, не способствовавшей благополучному пребыванию русских эмигрантов во Франции. Приведен пример активности участников союза по присвоению имущества Александро-Невского кафедрального собора (случай подстрекательства эмигрантов к мятежам и организации манифестаций с требованиями о передаче храма посольству СССР). Итогами этой активности стали усиление надзора за деятельностью организации со сто-

роны *Sûreté Générale* и репатриация ряда ее активных участников. Сделан вывод, что эта активность препятствовала обустройству жизни русской колонии в Париже и не способствовала безопасности эмигрантов.

Ключевые слова: эмиграция, русские в Париже, «Союз русских рабочих во Франции», «Союз советских граждан Франции», репатриация

Эмиграция из России после Октябрьской революции 1917 г. – один из крупнейших миграционных процессов в Новой истории. Точная численность эмигрантов неизвестна, но, по информации Лиги Наций, Россию после революции покинуло около 1,6 млн чел. [см. об этом: Сотников, с. 9]. Русские эмигранты осели преимущественно в Европе, в частности во Франции, а Париж стал культурным центром русской эмиграции.

Франция стала той страной, которая ввиду демографической ситуации после Первой мировой войны и более либерального политического режима в межвоенный период приняла наибольшее количество беженцев [Сабенникова, 2015, с. 153], достигавшее в 1920–1930-х гг. численности от 70 до 150 тыс. русских граждан [Хитрова, 2000, с. 241]. Прибывшие в страну эмигранты были представлены всеми слоями российского общества, и все они нуждались в помощи для скорейшей адаптации на новом месте. Во Франции существовали русские консульства, которые стремились защищать интересы соотечественников [Там же, с. 259], однако это не всегда было возможно. Признание Францией государственности СССР в 1924 г. лишило беженцев из России официального представительства. Все эмигранты, не имевшие советских паспортов, становились апатридами, что создавало для них сложности ввиду их неопределенного правового статуса. Это вело к тому, что эмигранты нередко, не дожидаясь помощи от ведомств, сами пытались подстроиться под новые реалии жизни и стремились оказывать помощь соотечественникам. С этой целью были созданы объединения русских эмигрантов. Во Франции в 1920–1930-х гг. было образовано множество союзов русских эмигрантов [Там же, с. 259]. В частности, это были объединения, образованные по профессиональной принадлежности их членов, и подобные профсоюзы нередко объединяли до нескольких сотен человек [Там же, с. 264–267].

История постреволюционной русской эмиграции во Франции привлекала внимание многих специалистов. Помимо обобщающих трудов по истории русской эмиграции [Ипполитов, Недбаевский, Руденцова; Сабенникова, 2015; Хитрова, 2000], в исследованиях ставились проблемы численности русских эмигрантов во Франции [Сабенникова, 2015, Хрисанфов, Турыгина], их правового статуса [Ипполитов, Недбаевский, Руденцова; Сабеникова, 2015; Гусефф; Русские беженцы; Русские во Франции; Бочарова], расселения и возвращения на родину [Русские беженцы], места бывшего русского дворянства, перебравшегося во Францию из России [Урядова], представителей других слоев рос-

сийского общества по обустройству на новом месте [Гусефф; Хитрова, 2000; Gorboff]. Рассмотрены также темы создания и функционирования разных профессиональных и культурных объединений русских эмигрантов [Сабенникова, 2015; Хитрова, 2001; Gorboff].

Изучение русского зарубежья по-прежнему является актуальной темой. Новые сведения предоставляют материалы архива Исторической службы Министерства обороны Франции. Они раскрывают активную деятельность двух последовательно существовавших союзов. «Союз русских рабочих во Франции» (“Union des ouvriers russes en France”) был основан в Париже 18 февраля 1925 г. и под этим названием просуществовал до декабря 1928 г. С 23 декабря 1928 г. он стал именоваться «Союзом советских граждан Франции» / «Союзом советских граждан Франции и сочувствующих» (“Union des citoyens sovietique en France et des sympathisants”) [Ibid., p. 156] и под этим названием действовал до конца 1929 г. [Ibid., p. 107] (далее при упоминании этих организаций используем общее наименование «Союз». – К. Б.). Материалы (отчеты, рапорты и записки, подготовленные сотрудниками *Sûreté Générale* на имя министра иностранных дел Франции [SHD/T. 7NN. 2119]) позволяют воссоздать обстоятельства создания, цели, задачи и деятельность этих организаций.

Ранее как в отечественной, так и в зарубежной историографии рассматривались объединения русских эмигрантов во Франции, общими чертами которых были неприятие свершения Октябрьской революции в России и негативное отношение к советской власти. Однако исследуемые в статье союзы являются примером уникального объединения: их участники не только стремились облегчить жизнь соотечественников в Париже, но и были лояльно настроены к советской власти.

«Союз русских рабочих Франции» был зарегистрирован в соответствии с Законом об ассоциациях от 21 июля 1901 г. [Ibid., p. 325–328], по которому участники любого объединения, в том числе и союзов эмигрантов, независимо от цели их создания должны были отмечаться в префектуре местного департамента. Его создание было связано с ощутимым ростом численности эмигрантов во Франции к середине 1920-х гг. Притоку эмигрантов поспособствовало несколько факторов. Во-первых, еще в 1922 г. французское правительство, имея потребность в рабочих руках, позволило въезд русских эмигрантов из других стран Европы, в частности из Болгарии, Сербии, Греции, Германии, Чехословакии и стран Прибалтики [Сабенникова, 2010, с. 180]. Во-вторых, активизация миграционных процессов в середине 1920-х гг. была также связана с мировым кризисом, охватившим ряд стран Европы. В Германии безработица и падение курса немецкой марки спровоцировали отток населения в более благополучную Францию [Там же, с. 177]. В-третьих, выбор эмигрантами Франции был обусловлен более высоким уровнем оплаты труда и лучшими условиями по сравнению, например, с балканскими странами [Там же, с. 170]. К 1925 г. резко увеличилось число русских эмигрантов во Франции, испытывавших трудности в адаптации, что вызвало необходимость появления организации, которая бы оказывала помощь соотечественникам.

Бюро Союза с начала его функционирования находилось в Париже¹. В материалах *Sûreté Générale* указано, что официальная цель, заявленная членами Союза при регистрации объединения, – «защитить экономические интересы своих членов, заботиться об их трудоустройстве и помогать им в случае необходимости» [SHD/T. 7 NN. 2119, p. 745]². Потребность в защите интересов действительно существовала, поскольку в целом среди иностранцев, в том числе и русских эмигрантов, был довольно высок процент безработицы [Бочарова, с. 170–172], а незнание французского языка безусловно осложняло трудоустройство эмигрантов [Сабенникова, 2015, с. 180] и обрекало их на полуголодное существование.

Несмотря на открытую цель создания Союза, некоторые материалы, собранные *Sûreté Générale*, свидетельствуют о том, что в российских монархических и умеренных кругах, а также в кругах бывшего дипломатического представительства Российской империи он рассматривался как пробольшевистская организация [SHD/T. 7 NN. 2119, p. 156]. Это дает основания полагать, что не все русские эмигранты во Франции воспринимали Союз как инструмент исключительно экономической и трудовой помощи соотечественникам. Кроме того, он взаимодействовал с «Союзом возвращения на родину» (“Union pour le rapatriement”) [Ibid., p. 745], который был создан в ноябре 1924 г. на средства, выделенные «из особых фондов советской секретной службы» [Ульянкина, с. 202–203], и его бюро с 1926 г. даже располагалось по тому же адресу (ул. Драгон, д. 32) [Ibid., p. 856]). Подтверждают это и данные архивных материалов о деятельности Французской коммунистической партии, хранящиеся в фондах РГАСПИ. Согласно этим документам, Союз «был создан с целью объединения признавших советскую власть русских рабочих во Франции, а также всех симпатизирующих новому режиму», и «ставил цель развить свою деятельность среди рабочих и крестьян, прибывших во Францию в качестве солдат экспедиционного корпуса, военнопленных из Германии и солдат белой армии». Существование данного Союза было необходимо, чтобы не допустить попадания русских эмигрантов под влияние белых организаций, а также для того, чтобы «впоследствии [эмигранты] смогли бы стать полезными и активными гражданами [СССР]» [РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 467, л. 87]³. Материалы, собранные *Sûreté Générale*, подтверждают, что Союз был создан по инициативе посольства СССР и получал от него директивы [SHD/T. 7 NN. 2119, p. 745].

Из данных *Sûreté Générale* следует, что организаторы Союза принимали меры, чтобы «сплотить русских рабочих и убедить их при-

¹ Бюро располагалось по адресу Версинжетори (Vercingetorix), д. 11, где члены Союза занимали двухкомнатное помещение, предоставленное им «Союзом кооперативов» (“Union des Cooperatives”) [SHD/T. 7 NN. 2119, p. 325–328] с годовой арендной платой в 600 франков. С 1 января 1926 г. офис организации был перенесен на другой адрес – на ул. Шато (Chateau), д. 111, затем с декабря 1926 г. находился по адресу Драгон (Dragon), д. 32 [SHD/T. 7 NN. 2119, p. 878].

² Здесь и далее перевод документов с французского автора статьи.

³ Хранящиеся в фонде документы этого типа составлены на французском языке. Перевод автора статьи.

соединиться к своей стране» [SHD/Т. 7 NN. 2119], а деятельность данной организации была «в основном посвящена коммунистической пропаганде среди русской рабочей колонии из Парижа» [Ibid., p. 506]. Это объясняет причины наблюдения и контроля за активностью Союза со стороны *Sûreté Générale*. Сотрудники спецслужб стремились усмотреть в деятельности Союза пробольшевистскую пропаганду, которая могла нарушить внутреннюю безопасность страны.

Преследуя заявленную при регистрации объединения цель, члены Союза стремились заботиться о своих соотечественниках, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, для чего регулярно организовывались собрания. Встречи проходили два раза в неделю: вечером во вторник и днем в воскресенье [Ibid., p. 506]. В ряды организации принимались все желающие, но обязательным условием было признание законности советской власти [Ibid., p. 248]. Количество участников с 1925 по 1929 г. росло и своего максимума достигло в 1927 г. – 1200 членов [Ibid., p. 699] из 20 тыс. россиян, проживавших во Франции [Ibid., p. 835]⁴. Но полным составом члены Союза, судя по всему, никогда не собирались. В отчетах *Sûreté Générale* о каждом собрании Союза содержатся данные о приблизительном количестве присутствовавших на собраниях. Они варьируются от 15 до 200 чел. [Ibid., p. 748, 834] на собраниях, а на мероприятиях, организованных Союзом, количество присутствующих составляло до 800 чел. [Ibid., p. 326].

Поскольку сотрудники *Sûreté Générale* подозревали членов Союза в проведении пробольшевистской пропаганды среди граждан Франции, ими были составлены краткие биографические справки о нескольких наиболее активных его членах. Эти сведения позволяют выявить половозрастной состав членов Союза и места их рождения. Материалы гласят, что в большинстве своем указанные лица являлись бывшими военными Русского экспедиционного корпуса или военнослужащими российской армии, что, в свою очередь, объясняет причины, по которым они оказались во Франции. Что касается места рождения, то географические рамки ограничиваются пределами царской России (территории современных России, Белоруссии и Украины).

Помимо этого, биографические справки сообщают, что большинство россиян являлись рабочими на французских фабриках и заводах, но при этом занимали определенные должности в Союзе (например, А. Покотило был библиотекарем, Ж. Мишникович и А. Мокеев – секретарями, Ж. Шмундак – казначеем, Н. Городецкий и Ж. Станчев – членами контрольной комиссии). Э. Рожен жил при посольстве СССР, являлся сотрудником ведомства и служил связующим звеном между

⁴ Реальное количество российских граждан, проживавших во Франции в этот период, на сегодняшний день является дискуссионным вопросом, поскольку в историографии существуют споры о завышенных и заниженных цифрах. Некоторые исследователи приводят данные о числе 30 000–43 250 русских эмигрантов только в Париже в середине 1920-х гг. [Хрисанфов, Турыгина, с. 21].

посольством и Союзом, которому передавал все директивы относительно его деятельности [SHD/T. 7 NN. 2119, p. 345]; Г. Спивак являлся членом Коммунистической партии Франции, а Ж. Дряпко, Н. Смирнов и Н. Левинсон посещали встречи членов этой партии [Ibid.].

Как было отмечено ранее, одной из главных забот участников объединения было стремление оказывать помощь соотечественникам в трудоустройстве, чтобы они смогли стать конкурентоспособными. Для повышения квалификации членов Союза организовывались художественные курсы, курсы по работе с электричеством, математике, автомобильной механике [Ibid., p. 461], курсы обучения водителей автомобилей и сельскохозяйственных тракторов [Ibid., p. 535], сельскохозяйственные и технические курсы [Ibid., p. 409]. Бюро Союза располагало некоторыми финансовыми средствами, которые были собраны преимущественно за счет вступительных и ежемесячных взносов его постоянных членов (3 франка – вступительный взнос, и по 2 франка ежемесячно) [Ibid., p. 573]. Также Союз получал финансирование от посольства СССР [Ibid., p. 745], и эти денежные ссуды распределялись среди наиболее нуждающихся рабочих-эмигрантов [Ibid., p. 869].

Помощь от посольства СССР не всегда имела привычное денежное выражение, нередко она заменялась материалами пропагандистского характера. Так, например, когда полпреду СССР Х. Раковскому были предоставлены сведения о безработице среди русских рабочих, вместо финансовой поддержки члены организации получили кинематографические материалы о Советской России, чтобы с помощью их демонстрации заинтересованным лицам можно было получить средства от продажи билетов и направить их в фонд помощи безработным [Ibid., p. 871]. Несмотря на это, в Союзе наблюдалась постоянная нужда в денежных средствах не только для осуществления помощи русским гражданам во Франции, но и даже на нужды бюро Союза. Это вынуждало его членов искать всевозможные пути для получения средств. Чаще всего эта проблема решалась за счет проведения праздничных мероприятий, приуроченных к празднованию значимых в СССР праздников или годовщин. Так, например, организовывались мероприятия по случаю годовщины смерти В. И. Ленина [Ibid., p. 269, 846], создания Красной армии [Ibid., p. 219, 757], свершения октябрьского переворота [Ibid., p. 746] и т. п. Собранные на них средства были довольно внушительными. Так, например, праздник, устроенный в начале февраля 1926 г., принес прибыль в 6 тыс. франков [Ibid., p. 261]. На подобных мероприятиях среди участников даже разыгрывались лотереи, также нацеленные на сбор средств [Ibid., p. 298], а членами Союза изготавливались на продажу (за 5 франков) красные значки с серпом и молотом, предназначенные для ношения в петлице [Ibid., p. 249]. Безработным раздавались книги и газеты, подробно описывающие благоприятную обстановку в СССР [Ibid., p. 831]. Подобные мероприятия и сборы средств давали свои резуль-

таты и позволяли Союзу не только окупать затраты на свои нужды, но и оказывать поддержку безработным эмигрантам.

Преследуя цель нормализации жизни русских эмигрантов, активисты Союза стремились просвещать и информировать соотечественников. Для этого были организованы курсы французского языка, открыта библиотека с читальным залом, издавался периодический бюллетень на русском языке «Наш Союз» (“Notre Union”) [SHD/T. 7 NN. 2119, p. 325–328]. Кроме того, членами Союза организовывались художественно-кинематографические вечера [Ibid., p. 761], экскурсии по окрестностям Парижа [Ibid., p. 157, 803] и даже встречи на свежем воздухе [Ibid., p. 687].

В интересах переселенцев регулярно проводились лекции, касавшиеся разного круга вопросов. Их темы были разнообразными, но чаще всего обсуждались вопросы политического характера. Докладчики касались как обстановки внутри СССР, так и вопросов международных отношений. Так, например, активно обсуждались внутрипартийная борьба в ВКП(б) в 1920-х гг. [Ibid., p. 212], «дело Бухарина» [Ibid., p. 234] и в целом политическая атмосфера в СССР. События в мире тоже становились предметами обсуждения, в частности, были прочитаны лекции о парламентских выборах в Германии 1928 г. [Ibid., p. 726], о выборах в Великобритании [Ibid., p. 189], осуждалась английская и французская колониальная политика в Китае, Индии, Персии [Ibid., p. 180]. Подобные лекции проводились как с целью повышения эрудиции слушателей, так и с целью их информирования о важных событиях в родной стране и в мире.

Спикеры собраний докладывали об экономической борьбе между британскими и американскими нефтяными компаниями [Ibid., p. 762], о «печальном финансовом и экономическом положении Франции» (по сравнению с ситуацией в СССР). Например, объяснялись очевидные для членов Союза причины девальвации франка, безработицы и перспективы экономического кризиса во Франции «из-за явной неспособности французских властей управлять делами страны» [Ibid., p. 523]. К тому же членам Союза рассказывали о новых методах, применявшихся в сельском хозяйстве, в частности, в Чехословакии и во Франции [Ibid., p. 520], о новинках в производстве машин, чья работа облегчает труд человека [Ibid., p. 469], о промышленной ситуации в СССР и возможности закупок во Франции электрооборудования и сырья для советских заводов и фабрик, что позволит развиваться франко-советской торговле, а значит, Франция и СССР смогут достичь лучшего понимания при наличии взаимных интересов [Ibid., p. 451].

Особенно часто на собраниях поднимались темы, касавшиеся достижений СССР. Так, например, активно обсуждались прогрессивная направленность советской Конституции, созданной в духе защиты пролетариата, в отличие от конституций капиталистических стран, «основанных на защите интересов буржуазии» [Ibid., p. 880], и законы, касающиеся сельского хозяйства, благодаря которым в СССР

была отменена частная собственность и земля находится в руках крестьян на постоянной основе [SHD/T. 7 NN. 2119, p. 224]. Также активно обсуждались вопросы, касающиеся экономики, промышленности и трудовых отношений. Проводились дискуссии об экономической ситуации в СССР, в частности, подчеркивалось богатство страны благодаря запасам нефти. При всем этом признавалось, что конкуренция с американской компанией *Standar Oil Company* наносила серьезный удар по нефтяному рынку СССР [Ibid., p. 425]. Также проводились лекции об экономическом положении, коллективной собственности, профессиональных союзах и общественной жизни при советской власти, где особо подчеркивались преимущества НЭПа, сельскохозяйственных кооперативов, созданных в интересах крестьян [Ibid., p. 457]. Выступавшие акцентировали внимание на прогрессе, достигнутом за последние годы в СССР в сфере промышленности, в частности, в разработке машинного оборудования [Ibid., p. 476]. Участники дискуссий говорили о том, что в СССР будут модернизированы существующие заводы и построены новые, а мощность ленинградских электростанций будет многократно увеличена [Ibid., p. 189]. При этом не упоминалось, что модернизация часто осуществлялась на основе зарубежных разработок, поскольку целью подобных мероприятий была реклама СССР.

На встречах также обсуждались и насущные проблемы СССР. Так, 28 сентября 1928 г. присутствующими был отмечен низкий урожай пшеницы и прозвучали опасения, что его вряд ли хватит до весны. Также говорилось об экономическом кризисе в стране из-за экспорта нефти, хрома, гороха и меха [Ibid., p. 676], и члены Союза, дискутируя, даже пытались высказать предложения о выходе из сложившейся ситуации. Спикеры, акцентируя внимание слушателей в том числе и на сложностях в СССР, подчеркивали, что эмигрантам нужно вернуться на родину, чтобы «принять участие в обновлении страны и помочь возрождению России» [Ibid., p. 649].

Преследуя цель не только повысить уровень грамотности и эрудиции своих соотечественников, но и доказать превосходство СССР над другими странами, выступавшие регулярно проводили сравнения новой политической системы в России с таковой во Франции. Звучали заявления, что во Франции кандидатов для участия в выборах заранее подкупали те, кто «хочет управлять страной», и электоральная битва в таких условиях невыгодна французским рабочим [Ibid., p. 764], а в СССР проходят только честные выборы. Докладчики, сравнивая ситуацию с безработицей в СССР и во Франции, отмечали, что в Советской республике безработица является следствием радикальной трансформации производства и эта проблема решается с первых дней руководства страной большевиками. Во Франции, напротив, безработица выгодна капиталистам, которые намерены снижать заработную плату рабочим, увеличивать продолжительность рабочего дня и стремятся отнять у рабочих те немногие свободы,

которые они приобрели [SHD/T. 7 NN. 2119, p. 873]. Выступавшие подчеркивали, что во Франции заработная плата рабочих остается неизменной, а в СССР, несмотря на постоянный рост стоимости жизни, Центральный совет профсоюзов регулярно ее повышает [Ibid., p. 442], что улучшает жизнь рабочих. Представленная тематика встреч демонстрирует, что организаторы собраний и лекторы не просто стремились повысить уровень осознанности русских эмигрантов и просвещать их о ситуации в мире, но были нацелены главным образом доказать, что в Советском Союзе после Октябрьской революции активно проводятся меры по улучшению жизни граждан, что, в свою очередь, должно было подтолкнуть эмигрантов вернуться на родину.

В материалах *Sûreté Générale* есть свидетельства о таких действиях участников Союза, которые негативно сказались на жизни соотечественников. Положение русских эмигрантов значительно ухудшила активность организаторов объединения по переподчинению Свято-Александро-Невского кафедрального собора (ул. Дарю (Daru), д. 12). В 1920-х гг. этот собор стал местом притяжения русской диаспоры и первым самостоятельным православным храмом в Европе [Гордиенко, с. 43]. С 1922 г. при соборе было создано Епархиальное управление, которое возглавил митрополит Евлогий (Василий Семенович Георгиевский, 1868–1946) [Аронов, с. 10]. Однако еще за несколько лет до этого после смены власти в России возникла проблема принадлежности Церкви в эмиграции (как института) к Русской православной церкви. Ситуация с храмом оказалась непростой. До 1917 г. расходы на содержание храма несло МИД Российской империи. Храм имел статус посольской часовни, пользовался правом экстерриториальности и выполнял функции приходской церкви. Предвидя признание СССР французским правительством, митрополит Евлогий поспособствовал созданию Русской православной культурной ассоциации, целью которой было не только обеспечение в Париже возможности для совершения богослужений в соответствии с православным обрядом, предполагалось также, что эта ассоциация будет управлять Свято-Александро-Невским кафедральным собором и всем принадлежавшим ему движимым и недвижимым имуществом, ранее находившимся в собственности российского посольства [Ross]. Но после установления дипломатических отношений между СССР и Францией в 1924 г. представитель СССР обратился к французским властям с просьбой наложить арест на русскую церковную недвижимость во Франции, надеясь, что имущество перейдет в руки «обновленцев» – лояльно настроенного по отношению к советской власти духовенства. 22 октября 1924 г. судом первой инстанции Департамента Сены был наложен арест на имущество Русской церкви во Франции. Выразителем интересов «обновленцев» стал протоиерей Сергей Соколовский, участник вышеназванных союзов [Соловьев, с. 275].

В деятельности по присвоению имущества храма С. Соколовскому оказывали помощь советское посольство и пробольшевистски настроенный Союз. Члены Союза стремились заполучить храм и его имущество, общая стоимость которых оценивалась суммой около 100 млн франков [Соловьев, с. 278]. В частности, С. Соколовский предложил идею подговорить участников различных лояльно настроенных к СССР организаций Парижа просить посла СССР возобновить переговоры с французскими властями о передаче большевикам Русской церкви [SHD/T. 7 NN. 2119, p. 737]. Также они призывали противодействовать приходскому совету, который управлял Русской православной церковью [Ibid., p. 130], стремились распространять листовки вблизи от храма [Ibid, p. 256], а С. Соколовский регулярно вел пропаганду среди членов Союза, дабы спровоцировать членов Христианской православной культурной ассоциации на протесты и в дальнейшем на захват храма [Ibid., p. 263]. Участники Союза обдумывали план насильственного захвата храма, который считали собственностью большевиков [Ibid., p. 504]. Были также попытки устроить у храма манифестацию с требованиями о передаче его церкви. Однако усилия Союза, направленные на захват церковной собственности Русской православной церкви во Франции, не увенчались успехом. Подобные инсинуации только нагнетали ситуацию вокруг собора и отравляли жизнь русской колонии в Париже.

К 1930-м гг. во Франции назревали антикоммунистические настроения, возникшие по причине роста активности просоветских организаций [Ульянкина, с. 202–203]. Участники этих объединений подозревались сотрудниками спецслужб в проведении агитации в пользу СССР не только среди русских эмигрантов, но и в среде французских рабочих, и в склонении их к мятежам. Это безусловно угрожало безопасности страны, в связи с чем была проведена репатриация наиболее революционно настроенных русских эмигрантов в СССР. Источники свидетельствуют, что летом 1927 г. число репатриированных составило 1300 чел. [SHD/T. 7 NN. 2119, p. 792]. Конечно же, среди репатриированных были не только те, кто были насильно высланы из страны, но и те, кто выразили искреннее желание вернуться в нее [Ibid., p. 699], поскольку демонстрация участниками Союза преимуществ жизни в СССР на собраниях должна была дать свои результаты и побудить русских эмигрантов вернуться на родину.

Насильственная высылка в СССР некоторых эмигрантов уже в июне 1927 г. привела к снижению активности членов Союза из опасений, что французские власти могут принять меры по принудительному возвращению их участников в Россию [Ibid., p. 807]. Также наблюдалось снижение количества участников еженедельных встреч. Члены Союза, не желая пострадать, как и их высланные соотечественники, больше не платили членские взносы. Лишь небольшая их часть по-прежнему посещала собрания [Ibid., p. 792], но большинство членов, опасаясь за себя, покинули ряды организации, и если в 1927 г.

Союз насчитывал 1200 членов, то уже спустя год их количество сократилось до 700 чел. [SHD/T. 7 NN. 2119, p. 699].

Подозревая членов Союза в проведении революционной пропаганды среди граждан Франции, в 1929 г. сотрудники *Sûreté Générale* подвергали их проверкам документов после каждого заседания [Ibid., p. 143]. Из-за этого многие члены организации боялись присутствовать на собраниях, и к концу 1929 г. стало заметным начало ее распада [Ibid., p. 792]. Ее руководители приняли решение временно не организовывать никаких встреч [Ibid., p. 116]. Несколько позже собрания были возобновлены, однако члены Союза по-прежнему воздерживались от их посещения, опасаясь применения административных мер со стороны французских служб безопасности [Ibid., p. 744]. Последнее собрание Союза, зафиксированное сотрудниками *Sûreté Générale*, было датировано 20 декабря 1929 г., что дает основания полагать, что тогда же он прекратил свою деятельность.

Материалы, собранные сотрудниками *Sûreté Générale*, носят противоречивый характер, демонстрируя как примеры решения насущных проблем русских эмигрантов, что способствовало их адаптации на новом месте, так и примеры действий самих членов Союза, откровенно усложнявших жизнь своих соотечественников, что в конечном итоге привело к повышенному вниманию органов безопасности Франции к деятельности Союза и в дальнейшем – к его распаду.

Библиографические ссылки

Аронов А. А. Рубеж XIX–XX веков : Золотой или Серебряный век русской культуры? // Вестн. Казан. гос. ун-та. 2020. № 2. С. 6–11.

Бочарова З. С. Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920–1930-е годы // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 161–176.

Гордиенко Е. С. Роль Православной Церкви в образовании детей русских эмигрантов первой волны во Франции // Христианство, искусство, образование: диалог культур, традиции и современность : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. «Церковь и искусство» и XX Междунар. науч.-практ. конф. «Христианско-православные ценности – основа образования человека в педагогическом учении К. Д. Ушинского» в рамках XVII Междунар. науч.-образоват. Знаменских чтений «Христианское мироосмысление в эпоху цифровых технологий» (Курск, 30–31 марта 2021 г.) / гл. ред. З. И. Гладких. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2021. С. 42–53.

Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / пер. с фр. Э. Кустовой ; науч. ред. М. Байссвенгер. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.

Итполитов С. С., Недбаевский В. М., Руденцова Ю. И. Три столицы изгнания: Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 20–30-х гг. М. : Спас, 1999. 206 с.

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 467.

Русские беженцы. Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы) : сб. док. и материалов / сост., публ., введение, прим., биограф. коммент., именной указ. З. С. Бочаровой. М. : РОССПЭН, 2004. 400 с.

Русские во Франции : справочник / под ред. В. Ф. Зеелера. Париж : Сарач, 1937. 86 с.

Сабенникова И. В. Русская эмиграция как социально-культурный феномен // Мир России. 2010. № 6. С. 155–184.

Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. 2-е изд. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 551 с.

Соловьев И. Раскольничья деятельность «обновленцев» в Русском зарубежье // Вестн. Правосл. Св.-Тихон. гуманитар. ун-та. II. История Русской православной церкви. 2008. Вып. 2 (27). С. 273–282.

Сотников С. А. Русская эмиграция XX века // Вестн. Асс. вузов туризма и сервиса. 2010. № 3. С. 8–14.

Хитрова Е. В. Русская эмиграция во Франции 20–40-х годов в исторической литературе // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 3. М. : Наука, 2000. С. 241–252.

Хитрова Е. В. Русская диаспора во Франции в период между двумя мировыми войнами // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 4. М. : Наука, 2001. С. 257–281.

Хрисанфов В. И., Турыгина Н. В. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920–1930-е годы // Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. 2014. № 3. С. 17–27.

Ульянкина Т. И. Российские эмигранты – «возвращенцы» и деятельность просоветских организаций во Франции (1924–1947) // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова : годич. науч. конф., 2010. М. : Янус-К, 2011. С. 202–206.

Урядова А. В. Из истории Союза русских дворян во Франции // Россия и Франция: XVIII–XX века. М. : Наука, 1995. С. 323–336.

Gorboff M. *La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 à 1950*. Lausanne : L'âge d'homme, 1995. 281 p.

Ross N. À qui appartient la cathédrale Saint-Alexandre-Neviski de Paris? // Parlons d'orthodoxie : plateforme libre de discussion : [website]. URL: https://www.egliserusse.eu/blogdiscussion/A-qui-appartient-la-cathedrale-Saint-Alexandre-Neviski-de-Paris_a714.html (accessed: 23.08.2023).

SHD/T. 7NN. 2119.

References

Aronov, A. A. (2020). Rubezh XIX–XX vekov. Zolotoi ili Serebryanyi vek russkoi kul'tury? [The Turn of the 20th Century: The Golden or Silver Age of Russian Culture?]. In *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 6–11.

Bocharova, Z. S. (2017). Pravovoe polozhenie russkikh bezhentsev vo Frantsii v 1920–1930-e gody [The Legal Status of Russian Refugees in France in the 1920s–1930s]. In *Rossiya i sovremennyyi mir*. No. 2, pp. 161–176.

Bocharova, Z. S. (Ed.). (2004). *Russkie bezhentsy. Problemy rasseleniya, vozvrashcheniya na Rodinu, uregulirovaniya pravovogo polozheniya (1920–1930-e gody)*. *Sbornik dokumentov i materialov* [Russian Refugees: Problems of Settlement, Return to the Motherland, Settlement of the Legal Status (1920s–1930s)]. Collection of Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN. 400 p.

Gorboff, M. (1995). *La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 à 1950*. Lausanne, L'âge d'homme. 281 p.

Gordienko, E. S. (2021). Rol' Pravoslavnoi Tserkvi v obrazovanii detei russkikh emigrantov pervoi volny vo Frantsii [The Role of the Orthodox Church in the Education of Children of Russian Emigrants of the First Wave in France]. In Gladkikh, Z. I. (Ed.). *Khristianstvo, iskusstvo, obrazovanie: dialog kul'tur, traditsii i sovremennost'*. *Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Tserkov' i iskusstvo" i XX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Khristiansko-pravoslavnye tsennosti – osnova obrazovaniya cheloveka v pedagogicheskom uchenii K. D. Ushinskogo" v ramkakh XVII Mezhdunarodnykh nauchno-obrazovatel'nykh Znamenskikh chtenii "Khristianskoe miroosmyslenie v epokhu tsifrovyykh tekhnologii" (Kursk, 30–31 marta 2021 g.)*. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 42–53.

Guseff, K. (2014). *Russkaya emigratsiya vo Frantsii: sotsial'naya istoriya (1920–1939 gody)* [Russian Emigration in France: Social History (1920–1939)] / transl. by E. Kustova, ed. by M. Baissvenger. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.

Ippolitov, S. S., Nedbaevskii, V. M., Rudentsova, Yu. I. (1999). *Tri stolitsy izgnaniya: Konstantinopol', Berlin, Parizh. Tsentry zarubezhnoi Rossii 20–30-kh gg.* [The Three Capitals of Exile: Constantinople, Berlin, and Paris. Centres of Émigré Russia]. Moscow, Spas. 206 p.

Khitrova, E. V. (2000). Russkaya emigratsiya vo Frantsii 20–40-kh godov v istoricheskoi literature [Russian Emigration in France in the 1920s–1940s in Historical Literature]. In *Rossiya i Frantsiya: XVIII–XX veka*. Iss. 3. Moscow, Nauka, pp. 241–252.

Khitrova, E. V. (2001). Russkaya diaspora vo Frantsii f period mezhdu dvumya mirovymi voynami [Russian Diaspora in France between the Two World Wars]. In *Rossiya i Frantsiya: XVIII–XX veka*. Iss. 4. Moscow, Nauka, pp. 257–281.

Khrisanfov, V. I., Turygina, N. V. (2014). K istoriografii voprosa o chislennosti russkoi emigratsii vo Frantsii v 1920–1930-e gody [On the Historiography of the Number of Russian Emigration in France in the 1920s–1930s]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. No. 3, pp. 17–27.

RGASPI [Russian State Archive of Sociopolitical History]. Stock 517. List 1. Dos. 467.

Ross, N. (N. d.). À qui appartient la cathédrale Saint-Alexandre-Nevski de Paris? In *Parlons d'orthodoxie: plateforme libre de discussion* [website]. URL: https://www.egliserusse.eu/blogdiscussion/A-qui-appartient-la-cathedrale-Saint-Alexandre-Nevski-de-Paris_a714.html (accessed: 23.08.2023).

Sabennikova, I. V. (2010). Russkaya emigratsiya kak sotsial'no-kul'turnyi fenomen [Russian Emigration as a Sociocultural Phenomenon]. In *Mir Rossii*. No. 6, pp. 155–184.

Sabennikova, I. V. (2015). *Rossiiskaya emigratsiya (1917–1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie* [Russian Emigration (1917–1939): A Comparative Typological Study]. 2nd Ed. Moscow, Berlin, Direct-Media. 551 p.

SHD/T. 7NN. 2119.

Solov'ev, I. (2008). Raskol'nicheskaya deyatelnost' "obnovlentsy" v Russkom zarubezh'e [The Schismatic Activity of the "Renovationists" in the Russian Diaspora]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. II. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi*. Iss. 2 (27), pp. 273–282.

Sotnikov, S. A. (2010). Russkaya emigratsiya XX veka [Russian Emigration of the 20th Century]. In *Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa*. No. 3, pp. 8–14.

Ul'yankina, T. I. (2011). Rossiiskie emigranty – "vozvrashchentsy" i deyatelnost' prosovetkikh organizatsii vo Frantsii (1924–1947). In *Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki imeni S. I. Vavilova. Godichnaya nauchnaya konferentsiya*. Moscow, Yanus-K, pp. 202–206.

Uryadova, A. V. (1995). Iz istorii Soyuzo russkikh dvoryan vo Frantsii [From the History of the Union of the Russian Nobility in France]. In *Rossiya i Frantsiya: XVIII–XX veka*. Moscow, Nauka, pp. 323–336.

Zeeler, V. F. (Ed.). (1937). *Russkie vo Frantsii. Spravochnik* [Russians in France. Directory]. Paris, Sarach. 86 p.

The article was submitted on 28.08.2023